

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Михаила Петровича Грязнова*

Книга II

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2003

для придания маске прочности, так и случайно как лом или остатки от гипсового покрытия. Добавление гипса в глину ведет к увеличению вязкости материала и увеличению жесткости после застывания гипса. Схватываясь, гипс забирает часть воды из глины, однако процесс застывания ганча (т. е. смеси гипса и глины) протекает не так быстро, как самого гипса. Это свойство использовано в широко применявшихся на востоке ганчевых штукатурках.

В красно-коричневой глине из Новых Мочагов (рис. 1, в) кальцит – второй после кварца компонент и главный, или единственный, источник кальция в глине. Основным красителем является гётит, с наибольшей вероятностью естественно присутствовавший в глине. Наконец, в черной тепсейской глине (рис. 1, г) вторым по значимости компонентом является анортит, а источником кальция являются все примесные к кварцу минералы за исключением рутила – оксида титана.

Изучение фрагментов масок из курганов Тепсей XVI, Таштык, Новые Мочаги и Лисий под бинокулярным микроскопом и химически на присутствие карбонатов и гипса [Маляров, 1951, с. 144] подтвердило результаты рентгеноструктурного анализа. Так, из 46 фрагментов масок из могильника Тепсей XVI присутствие карбоната кальция

установлено в 38 фрагментах, гипса – в одном и отсутствие карбоната и гипса – в семи фрагментах. Присутствие песка в качестве отощителя не установлено².

Полученные результаты по составу глин и материала масок приводят к выводу, что при изготовлении тесинских масок не вводились отощители, а использовались тощие от природы глины с преобладанием кремнеземной составляющей, недостаток в которых, вероятно, не ощущался. В качестве добавки мог вводиться гипс, однако это было скорее редкостью, чем традиционной технологией.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 01-06-80229.

¹ Все материалы предоставлены Э.Б. Вадецкой.

² Анализы выполнены в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН Е.Ю. Медниковой.

Кулькова Т.Ф. Химическое исследование глиняных «голов» из склепов и могил тесинского этапа // КСИА. 1975. № 142. С. 50–52.

Маляров К.Л. Качественный микрохимический анализ. М., 1951.

Tallgren A.M. Trouvailles tombales sibiriennes en 1889. Le kourgane de Tes // SMYA. XXIX-2. Helsingfors, 1921.

Л.Н. ЕРМОЛЕНКО

МОГЛИ ЛИ РАСКРАШИВАТЬСЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ?

Что такое тело и, в частности, живое человеческое тело? Это прежде всего трехмерная цветная вещественность.

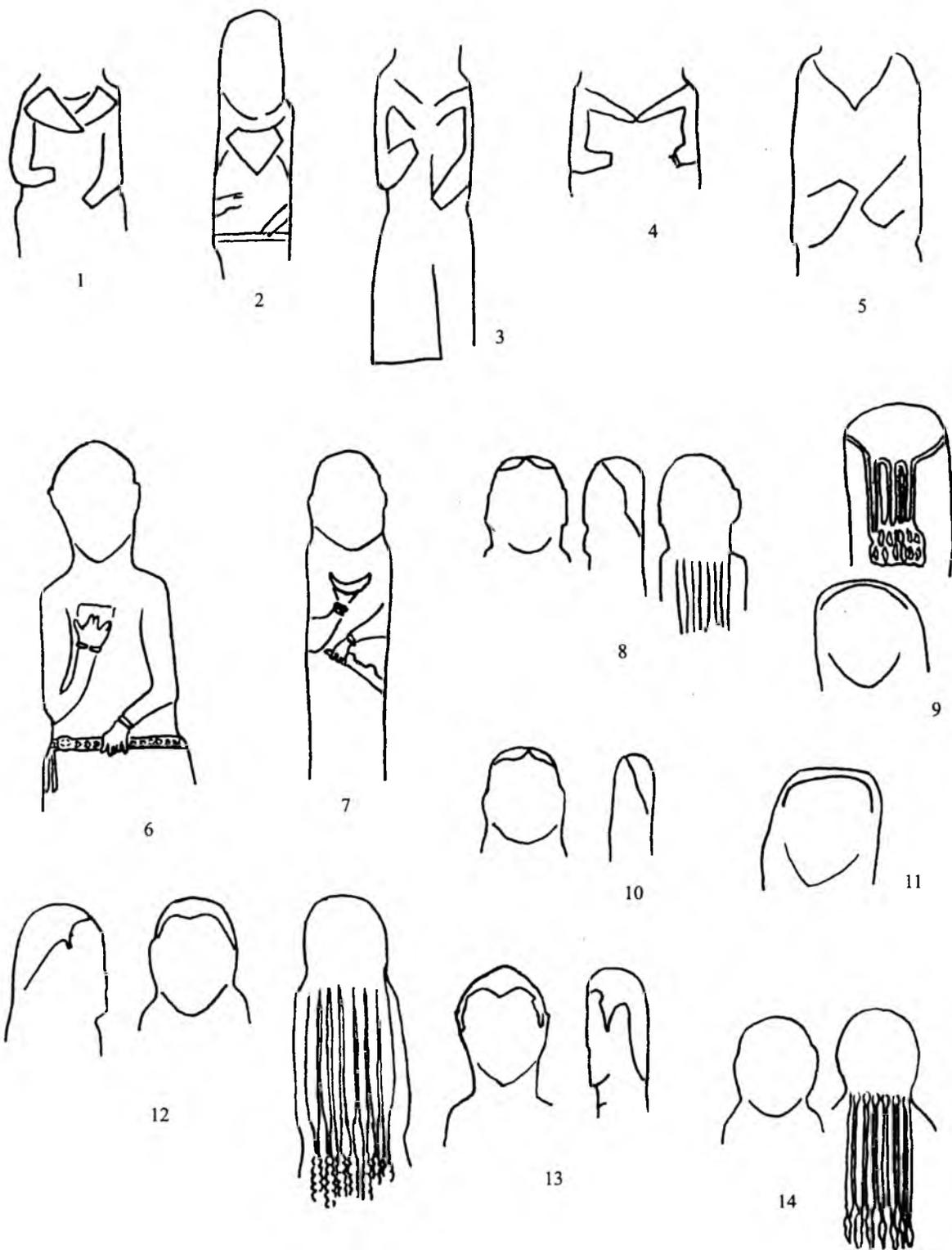
А.Ф. Лосев

В статье, посвященной трипольским статуэткам, М.П. Грязнов писал, что археологи нередко принимают существующий вид древней вещи за изначальный, игнорируя возможность утраты менее прочных частей предмета [Грязнов, 1964, с. 73]. Такой нестойкой принадлежностью первоначального облика древнетюркской скульптуры могла быть раскраска.

Предположение о том, что изваяния средневековых кочевников в древности могли раскрашиваться, высказывалось разными исследователями. С.А. Плетнева, сочтя две скульптурные головы со следами раскраски обломками половецких изваяний, допустила возможность раскрашивания некоторых других половецких статуй. По ее мнению, краской могли быть нарисованы детали лица «безликих» фигур [Плетнева, 1974, с. 58]. В.Д. Кубарев не исключает вероятности раскрашивания наиболее реалистичных образцов древнетюркской скульптуры

Алтая, Тувы и Монголии. Иначе, для чего изображались многочисленные детали, которые, будучи бесцветными, почти не видны на поверхности этих фигур? [Кубарев, 1984, с. 82].

Автор данной статьи придерживается мнения, что каменные изваяния средневековых кочевников, подобно древней антропоморфной скульптуре вообще, не были ахроматическими изображениями [Ермоленко, 1991, с. 15; 1994, с. 157, с. 163, примеч. 3]. Занимаясь изучением древнетюркских и кыпчакских изваяний Среднеазиатско-Казахстанского региона, автор находит подтверждение этому не только в единственной, обнаруженной Ж.К. Курманкуловым и Л.Н. Ермоленко раскрашенной статуе из кыпчакского святилища на р. Жинишке [Ермоленко, Курманкулов, 1992, с. 117], но и в особенностях изображения деталей многих изваяний с обозначенной позой (поясных и полнофигурных).

Особенности изображения некоторых реалий древнетюркских изваяний Среднеазиатско-Казахстанского региона:
 1, 4 – по Я.А. Шеру; 3 – по Ф.Х. Арслановой, А.А. Чарикову, 5 – по А.Н. Бернштаму;
 6, 7, 8, 10, 13 – по А.А. Чарикову; 9, 11, 12, 14 – по Я.А. Шеру

Косвенными свидетельствами тому, что раскрашивание древнетюркских изваяний имело место, являются следующие изображения.

1. Двусторонние отвороты распашной одежды при отсутствии линии борта (рисунок, 1). Между тем линия борта непременно воспроизводилась на кафтанах тюрков в афрасиабских росписях [Альбаум, 1975, рис. 5, 5; рис. 7, 18], в китайских рисованных и скульптурных изображениях тюрков или народов, следующих тюркской «моды» [Liu Mau-tsai, 1958, Abb. 1, S. 469, Abb. 2; Haussig, 1992, S. 59, Abb. 94, S. 245, Abb. 421], и, наконец, в гравировке на костяной пластине из могильника Суттуу-Булак, выполненной, вероятно, тюркским мастером [Худяков и др., 1997, рис. 2, с. 147]. О том, что древние тюрки носили распашную одежду, нам доподлинно известно из китайских источников [Liu Mau-tsai, 1958, S. 41]. На изваяниях с двусторонними отворотами борт кафтана лишь изредка изображался рельефом либо углубленной линией [Шер, 1966, табл. XI, 49; Кызласов, 1969, рис. 3, 1; Худяков, 1998, рис. 1, 1; Вага, 1997, р. 101, 4; р. 102, 5; р. 111, 55; р. 136, 108 etc.]; в остальных случаях недостающая деталь вполне могла быть нанесена краской.

2. Очертания неразделенных двусторонних отворотов (рисунок, 2). На концах таких неразделенных отворотов иногда бывают «бубенчики».

3. V-образная полоса на груди изваяния, образующая одно целое с рукавами (руками) (рисунок, 3). Не исключено, что подобная полоса обобщенно передавала треугольные отвороты, которые выписывались краской (А.А. Чариков, [1976, с. 164] и В.Д. Кубарев [1984, с. 27] считают эту деталь меховым воротником). На некоторых таких изваяниях показана линия борта, а абрис ворота иногда напоминает плавно изогнутые внутренние очертания двусторонних отворотов.

Основой, предполагающей детализацию краской, представляется также продолженный на груди рельеф рук (рисунок, 4).

4. V-образный, нередко плавно изогнутый, нагрудный вырез (рисунок, 5). Таким способом мог быть изображен распашной (!) кафтан без отворотов, встречающийся на среднеазиатских настенных росписях [Бентович, 1980, рис. 1, в, г]. Однако персонажи росписей, облаченные в такой кафтан, с тюрками не отождествляются (хотя Г.В. Кубарев полагает, что кафтан без отворотов – это разновидность древнетюркской одежды) [Кубарев, 2000, с. 85]. Поскольку изваяния все же считаются изображениями тюрков, то, возможно, V-образный вырез на груди намечал внутренний абрис отворотов, тогда как сами отвороты (а заодно и линия борта) изображались краской.

5. Узкие манжеты, края рукавов, а также браслеты как единственный признак наличия одежды (рисунок, 7). На фигурах только с манжетами, браслетами, очертаниями рукавов одежда вряд ли отсутствовала, – скорее всего, она была нарисована краской. Таким образом, древнетюркские изваяния имели нарисованную (или натуральную) одежду, доказательством чего может являться отсутствие признаков пола на каменных изваяниях.

6. Пояс как единственная деталь одежды (рисунок, 6). Поскольку пояс носился поверх кафтана, то последний, вероятно, был нарисован краской. Не случайно наряду с поясом иногда показаны края рукавов или браслеты.

7. Оружие и предметы, «висящие» на воображаемом поясе (рисунок, 7). Пояс на изваяниях, на которых имеются оружие и предметы, «висящие» сами по себе в таком положении, как если бы были привешены к поясу, мог быть нарисован краской. Точно также могли наноситься краской линии ремешков для подвешивания оружия, нередко отсутствующие даже в случаях изображения пояса.

8. Особенности изображения прически с косами. Распространенная на изваяниях Среднеазиатско-Казахстанского региона прическа с 6–8 косами (пряжами) воспроизводится полностью либо частично – только на тыльной стороне изваяния. Зачесанные назад волосы изваяний с косами спереди уложены по-разному: спускаются на лоб мыском, образуют ровный дугообразный край либо разделены на прямой пробор (рисунок, 8, 9, 12). Иногда волосы над лбом и по бокам головы «косатых» изваяний не детализировались – они могли дорисовываться краской (рисунок, 14). На некоторых изваяниях без кос конфигурация волос над лбом такая же, как на изваяниях с косами (рисунок, 10, 11, 13). В этом случае косы, возможно, были нарисованы краской. Краской могли изображаться волосы и на изваяниях (особенно реалистичных) со скругленным верхом головы, без признаков прически.

Таким образом, перечисленные случаи намеренно частичного воспроизведения реалий изваяний средствами плоской скульптуры позволяют предположить, что недостающие элементы восполнялись краской. Анализ изобразительных особенностей для выявления признаков, указывающих на вероятность первоначального раскрашивания изваяний, может быть продолжен.

Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Бентович И. Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стеновых росписей VI–VIII вв.) // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. 22. С. 196–212.

Грязнов М. П. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры // Археологический сборник. Л., 1964. Вып. 6. С. 72–78.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1991.

Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 157–165.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж. Центральноказхастанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения: Тезисы. Петропавловск, 1992. С. 116–119.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кубарев Г.В. Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3 (3). С. 81–88.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ, Е4-2. М., 1974.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // РА. 1977. № 3. С. 142–147.

Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга: Материалы конференции. СПб., 1998. С. 215–219.

Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4. С. 153–165.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Bayar Dovdoin. The Turkic stone statues of Central Mongolia. Ulan-Bator, 1997.

Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I. Buch. Wiesbaden, 1958.

Haussig H. W. Archäologie und Kunst der Seidenstraße. Darmstadt, 1992.

Н.П. ЗАСЕЦКАЯ, И.Р. АХМЕДОВ, М.М. КАЗАНСКИЙ

О ДВУХ ПОГРЕБЕНИЯХ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРИАЗОВЬЕ

В 1868 г. при строительных работах в окрестностях Таганрога были открыты два захоронения, совершенные в грунтовых могилах без признаков курганной насыпи. В 1869 г. вещи из этих погребений были переданы в Государственный Эрмитаж, где они хранятся по сей день. Согласно архивным данным, обе могилы были обнаружены почти в одном и том же месте, но на разной глубине.

Первое, определенно женское погребение, найденное на глубине 1 м, сопровождалось золотыми украшениями: парой серег, парой браслетов, тремя кольцами со вставками гранатов и шейной цепью. Вероятно, отсюда же происходят серебряная пряжка и каменный кружок. Кроме того, первооткрыватели отмечают присутствие здесь «полуразрушенного» человеческого скелета.

Второе погребение было зафиксировано на глубине 2.40 м. При костяке *in situ* лежали следующие предметы: на шее – золотая цепь с тремя подвесками; на руках – по золотому браслету, на одном из которых имеется латинская надпись; на больших пальцах обеих рук – по два перстня. На расстоянии одного аршина (71,12 см) от ног погребенного находились золотые украшения конской сбруи. Вопрос о половой принадлежности умершего не бесспорен. Судя по величине скелета – 2 аршина 8 вершков, что соответствует 178 см, данное погребение (если замеры сделаны правильно), скорее всего, должно было принадлежать мужчине. Однако найденные с цепью две парные подвески имеют прямые аналогии с женскими украшениями. В частности, подобные изделия найдены в женском погребении джетыясарской культуры, где они представлены как височные подвески.

Эти погребения, вне всякого сомнения принадлежавшие кочевой аристократии приазовских степей, были сначала ошибочно отнесены к VII в. (по А.К. Амброзу), однако впоследствии, на основании широких европейских и центральноазиатских аналогий, были определены как постгуннские – вторая половина V и ранний VI в. (по И.П. Засецкой). Действительно, вещи из Морского Чулека имеют прямые параллели в таких известных центральноазиатских погребениях, как Шамши (поздний V в.) и Боровое (поздний V – ранний VI в.). С другой стороны, детали конского убора, выполненные в стиле перегородчатых инкрустаций, принадлежат, как мы увидим, к группе средиземноморских изделий второй половины V и первой трети VI в. Золотые массивные браслеты с расширенными концами неизвестны в Европе и Северной Евразии после V в. Отдельные предметы из Морского Чулека имеют аналогии и с древностями гуннского времени: серьги из первого погребения идентичны находке из Верхне-Курмоярской. В то же время в могилах из Морского Чулека нет ни одной вещи, дата которых могла бы быть ограничена поздним VI–VII вв.

Обнаруженные во втором погребении Морского Чулека украшения конской сбруи относятся к двум наборам, отличающимся стилистическими особенностями, что можно объяснить их разными центрами происхождения. Один из них – со вставками сердолика и крупной зернью – аналогичен вещам из погребений Шамши (Киргизия) и Боровое (Казахстан) (по И.П. Засецкой); второй явно происходит из ранневизантийских мастерских. В этот убор входят семь круглых умбоновидных